

— Речь идет о страховых выплатах, — произнес Чубелло. — Ах, разумеется.

— Хотя вы только что употребили такое жуткое слово, как смерть, истинное количество погибших невелико: полагаю, человек три-четыре, не больше. Семьи умерших уже получили достаточные компенсации, и все дела закрыты. Проблема, с которой мы в итоге столкнулись, — это не те, кто погиб, а те, кто остался в живых и теперь тяжело страдает. Обстоятельства складываются так, что некоторым придется провести в больницах очень много времени. А это непрекращающиеся расходы, долгосрочное бремя для городской казны и страховой компании.

— Я понимаю, — откликнулся Шелин, и в его голосе прозвучало недовольство. — Человек умер — и дело с концом. Выплатил немного денег живым родственникам, и вопрос закрыт. А если они годами и месяцами будут висеть на шее больниц, расходы станут для вас неподъемными.

— Возможно, это звучит цинично, — заметил Чубелло, — но таковы важные вопросы, которые городской совет просто обязан принимать во внимание.

— Доктор Шелин сегодня утром кажется каким-то раздражительным, — обратился Кейларитан к юристу. — Наверное, мысль о поездке в туннель его тяготит.

— Совсем нет, — тут же отозвался Шелин. — Разумеется, вы понимаете, что вам совершенно необязательно ехать...

— Необходимо, — возразил Шелин.

В машине воцарилось молчание. Со строгим выражением лица Шелин смотрел в окно на непрерывно меняющийся пейзаж: мимо его глаз проплывали причудливые деревья с чешуйчатой корой, заросли цветов с жутковатыми ржавыми бутонами, высокие здания с островерхими крышами. Так далеко на север Шелин еще никогда не забирался. Все здесь казалось ему чуждым и неприятным, особенно на фоне легкомысленных, циничных людей, с которыми он только что общался. Он думал о том, как сильно ему хочется немедленно вернуться в Саро. Но сейчас главным было другое — таинственный туннель...

Столетняя ярмарка Джоллера, раскинувшаяся в восточной части города на огромной парковой территории, сама по себе представляла собой миниатюрный город — колоритный и потрясающий воображение. Шелин как раз разглядывал открывшийся вид, когда внезапно заметил фонтаны, аркады и сияющие розовые и бирюзовые шпили из прочного разноцветного пластика. В огромных выставочных залах были выставлены сокровища, промышленные экспонаты и новейшие научные чудеса со всех провинций Кальгаша. На каждом шагу его привлекало что-то прекрасное и диковинное. Тысячи, а может быть, и десятки тысяч людей прогуливались по этим залитым светом элегантным аллеям. Шелин всегда слышал, что Столетняя ярмарка Джоллера — одно из чудес света, и увиденное полностью оправдывало его ожидания. Попасть сюда без специальных привилегий было непросто. Эта ярмарка, проводимая раз в сто лет в честь основания города, длилась три года, и нынешняя, по слухам, была самой масштабной из всех пяти проведенных празднеств.

И действительно, он почувствовал охватившее его непреодолимое волнение — чувство, которое давно уже забыл, еще с тех давних пор, когда гулял по аккуратно подстриженным газонам. Ему захотелось прийти сюда в одиночку как-нибудь на неделе. Но стоило машине объехать ярмарку по краю и вывезти их к задним воротам зоны развлечений, как это желание мгновенно улетучилось.

Здесь, как и предупреждал Кейларитан, обширные пространства были огорожены веревками. Рассерженная толпа вместе с Чубелло и Кейлаританом с раздражением на лицах всматривалась в оцепленную зону. Варита-312 вела его к таинственному туннелю. Шелин слышал их сердитое бормотание, а глухой ропот толпы вызывал у него тревогу и даже легкий страх. Только теперь он понял, что юрист говорил чистую правду. Люди злились из-за того, что туннель закрыли. Они завидуют, подумал про себя Шелин. Они знают, что мы собираемся войти в туннель, и тоже хотят туда попасть, совершенно не заботясь о том, что там произошло.

— Мы войдем здесь, — сказала Варита.

Фасад туннеля представлял собой массивное пирамидальное сооружение, грани которого сходились в причудливый, ослепительный шпиль. В центре башни находился шестиугольный вход, причем места стыков всех шести граней были выкрашены в ярко-алые и золотистые тона, что делало их еще более заметными. Главная дверь была наглухо забита толстыми досками, но Варита достала ключ, отперла маленькую дверцу с левой стороны башни, и они вошли внутрь.

Внутри все оказалось куда проще, чем представлялось. Шелин увидел ряды металлических барьеров, очевидно предназначенных для контроля очереди. Сразу за ними тянулась платформа, в точности похожая на вокзальную, на которой стоял состав из небольших открытых вагонеток. А за вагонетками простиралась... темнота.

Чубелло промолвил:

— Доктор, если вы не возражаете, подпишите вот здесь.

Шелин взглянул на протянутый юристом лист бумаги, сплошь покрытый густым, мелким и расплывчатым текстом, от которого рябило в глазах.

— Что это?

— Разрешение, стандартный документ.

— Подпишу, конечно, подпишу.

Даже не заглядывая в текст, Шелин размашисто и легко поставил свою подпись. Бояться нечего, повторял он себе, бояться абсолютно нечего.

Варита-312 протянула ему небольшой прибор.

— Это аварийный выключатель, — пояснила она. — Вся поездка займет пятнадцать минут, но если вы поймете, что уже выяснили все, что хотели, или начнете чувствовать себя плохо — просто нажмите этот зеленый тумблер, и загорится свет. Вагонетка быстро доедет до конца туннеля и вернется на исходную станцию.

— Благодарю, — ответил Шелин, — но думаю, он мне не понадобится.

— Вам всё же стоит взять его на всякий случай.

— В мои планы входит пройти весь путь до конца, — заявил он ей, испытывая гордость за свое хвастовство.

Однако действовать нужно смежно, но осторожно, напомнил он себе. И хотя он не собирался пользоваться аварийным выключателем, отправляться в путь без него было бы неразумно. Пусть послужит страховкой на крайний случай.

Он уверенно шагнул на платформу. Кейларитан и Чубелло пристально следили за ним, словно пытаясь заглянуть в душу. Ему казалось, что он слышит их мысли: этот жирный тупица раскиснет внутри уже через пару минут. Ну и пусть думают что хотят.

Варита отошла в сторону. Судя по всему, она отправилась запускать механизмы туннеля. Да, она уже заняла свое место в пульте управления, подвешенном высоко справа, и подала знак, что всё готово.

— Доктор, вы собираетесь садиться в вагонетку?.. — окликнул его Кейларитан.

— Разумеется, непременно.

Пострадал едва ли каждый десятый. Все эти люди были неуравновешенными, с рождения панически боящимися темноты. Я не такой, я человек эмоционально стабильный.

Он уселся в вагонетку. Его попросили пристегнуться. Пришлось приложить немало усилий, чтобы отрегулировать ремень под свою полноту и наконец защелкнуть его.

Вагонетка плавно тронулась с места — очень плавно. Впереди его ждала темнота.

Меньше десятой доли, меньше десятой доли... Он прекрасно знал, что такое фобия темноты. Он был твердо уверен, что это понимание убережет его от любых потрясений. Хотя человек боится темноты на уровне инстинктов, это вовсе не значит, что само по себе отсутствие света способно причинить ему вред. Что же действительно вредит человеку? Шелин понимал: это лишь его собственная реакция на темноту. Лучшее средство против нее — сохранять спокойствие. Темнота — это просто темнота, изменение внешней среды. Мы ненавидим темноту лишь потому, что живем в мире, где ее не бывает, где всегда сияют целых шесть солнц. В любой момент времени на небе находится по меньшей мере четыре солнца. Не бывало еще такого, чтобы на небе светило меньше трех светил, а уж тем более двух, — да и любое из

них способно дать света больше чем достаточно, чтобы разогнать мрак.

Исчез свет — наступила темнота — темнота!

Шелин въехал в туннель. Последний отблеск света угас у него за спиной, и перед глазами Шелина раскинулся бескрайний черно-угольный мир. Впереди не было ничего — абсолютная пустота. Черная дыра? Бездна? Бескрайняя мрачная зона?

Он сидел в вагонетке, слепо продвигаясь вперед. Он чувствовал, как пот градом катится по телу, мгновенно промолив всю одежду. Колени задрожали. Лоб пронзила острая, распирающая боль. Он поднял руки и прижал их к лицу, но не видел собственных ладоней.

Аварийный выключатель... аварийный выключатель... аварийный...

Ничего не видно, абсолютно ничего. Он сидел прямой, как палка, с окостенелой спиной, сохраняя невозмутимый вид, и тарасил широко открытые глаза в мчащуюся навстречу черную пустоту, тянущуюся шаг за шагом.

Глубоко в душе закип, поднимая пузыри, первобытный страх. Он изо всех сил пытался сдержать себя, старался сохранить хладнокровие.

Снаружи туннеля по-прежнему сияет солнце, говорил он себе. Это временно. Через четырнадцать минут и тридцать секунд он вернется на свет.

Четырнадцать минут двадцать секунд.

Четырнадцать минут десять секунд.

Четырнадцать минут...

Двигается ли вообще вагонетка? Он не мог понять. Возможно, она стояла на месте. Моторчик вагонетки работал бесшумно, никаких ориентиров не осталось.

А что, если он застрял? — гадал он. Сидеть вот так, в непроглядной глуши, не имея возможности узнать, где ты находишься, что происходит и сколько времени прошло? Пятнадцать минут, двадцать, полчаса? Пока рассудок окончательно не откажет, а потом...

Хорошо хоть аварийный выключатель в руке. Но что, если он сломался? Что, если нажмешь кнопку, а свет не зажжется? Пожалуй, стоит попробовать, проверить...

Жирный трус! Жирный слабак!

Нет! Нет! Не трогай его!

Стоит включить свет, и выключить его уже не удастся. Ни в коем случае нельзя использовать аварийный выключатель, иначе они узнают — все они узнают, что он толстяк и трус, толстяк и слабак...

Внезапно его охватил безумный порыв: он выбросил аварийный выключатель в темноту.

Тот слегка стукнулся о пол, после чего вновь воцарилась мертвая тишина. Его руки были пусты, и это пугало до смерти.

Темнота... темнота... бесконечная темнота. Он рухнул в бездонную пропасть. Падает... падает... неуклонно падает в непроглядный мрак, поглощающий всё вокруг...

Глубокий вдох, сохраняй спокойствие! А вдруг мозг поврежден навсегда? Сохраняй хладнокровие, говорил он себе, всё будет хорошо. Осталось максимум одиннадцать минут, а может, всего шесть или семь. Снаружи вовсю светит солнце. Продержись шесть-семь минут — и темнота исчезнет навсегда. Даже если доживешь до тысячи лет, темноты больше не будет.

Темнота... о боже, темнота...

Спокойно! Спокойно! Шелин, ты человек с на редкость устойчивой психикой. У тебя абсолютно ясный ум. Ты сохраняешь рассудок в темноте и останешься в своем уме, когда выйдешь наружу.

Тик-так, тик-так, тик-так. Каждая прошедшая секунда приближает к выходу. Или, может, наоборот? Путь не имеет конца. Я навеки заперт здесь.

Тик-так, тик-так, тик-так. Я вообще движусь? Прошло уже пять минут, пять секунд? Или всё еще идет первая минута?

Тик-так, тик-так. Почему меня не выпустят? Неужели они не понимают, как сильно я здесь мучаюсь? Они не хотят выпускать тебя. Они не выпустят тебя. Они...

Внезапно его лоб будто обожгло острой иглой, а в голове взорвалась ослепительная вспышка боли. Что это?

Свет! Неужели свет?

Да. Точно. Слава богам! Это свет! Слава всем богам, какие только существуют!

Он проехал весь туннель до конца и возвращается на станцию! Несомненно так, да, именно так. Его бешено колотящееся сердце стало понемногу успокаиваться.

Глаза, чье зрение вновь приспособилось к норме, уже различали знакомые очертания: опорные столбы здания, платформу, маленькое окошко диспетчерской... Чубелло и Кейларитан смотрели прямо на него. В этот момент ему стало стыдно за свою недавнюю трусость.

Возьми себя в руки, Шелин, всё не так уж плохо, правда. Ты в полном порядке, ты не валяешься на полу вагонетки, не хлюпаешь носом и не умоляешь о спасении. Да, это испытание пугает и тревожит, но оно тебя не сломило — на самом деле ты вполне способен с этим справиться...

— Пойдемте. Протяните руку, доктор. Вставайте... вставай...

Они помогли ему подняться на ноги и поддержали, когда он выходил из вагонетки. Шелин глубоко вздохнул, стараясь взять себя в руки, а затем вытер рукой непрерывно выступающий на лбу пот.

— Тот маленький аварийный выключатель, — пробормотал он, — я, кажется, где-то его уронил...

— Вы в порядке, доктор? — обеспокоено спросил Кейларитан. — Каковы впечатления?

Шелин сделал несколько шагов, шатаясь. Декан тут же схватил его за руку, помогая удержать равновесие. Однако Шелин резко оттолкнул его: ему не хотелось, чтобы они думали, будто жалкие пятнадцать минут в туннеле смогли так сильно его надломить.

Но он не мог отрицать, что потрясен. Как бы он ни пытался скрыть это, данный факт было невозможно утаить. И еще меньше удавалось обманывать самого себя. Теперь он отчетливо понимал: никакая сила на свете больше не заставит его снова сунуться в этот туннель.

— Доктор, как ощущения?

— Я... в... полном... порядке, — чеканя каждое слово, произнес он.

— Он говорит, что в порядке, — заметил юрист. — Отпустите его, пусть идет сам.

— У него дрожат ноги, — возразил Кейларитан. — Он сейчас упадет.

— Нет, — отрезал Шелин. — Не упаду. Говорю вам, я в полном порядке!

Он качнулся раз, качнулся другой, выровнял равновесие и сделал еще один неверный шаг. Потовые железы на теле работали на пределе. Обернувшись через плечо, он увидел зияющую пасть туннеля, от которой по спине пробежал ледяной мороз. Резко отвернувшись, он высоко задрал плечи, словно пытаясь спрятать за ними лицо.

— Доктор, вы... — невнятно начал Кейларитан.

Хватит притворяться, в этом больше не было смысла. Поступать так было глупо — проявление пустой гордыни, упрямства и ничего не стоящего показушничества. Пусть считают его трусом, пусть думают всё, что им вздумается. И пусть те пятнадцать минут останутся для него ночным кошмаром на всю жизнь. Воздействие туннеля на него продолжало нарастать, проникая всё глубже и глубже.

— Эта штука... просто ужасна, — выговорил он. — Невероятно сильное, подавляющее чувство паники.

— Но вы же в основном справились, верно? — тут же вставил юрист. — Вас немного трясет, да. Но кто бы не задрожал, побывав в таком глубоком туннеле? И тем не менее вы в полном порядке. Насколько нам известно, лишь у ничтожной, самой крошечной доли людей возможно появление каких-либо стойких нарушений...

— Нет! — воскликнул Шелин.

Стоявший перед ним юрист казался ему жутким демоном, похожим на скалящуюся декоративную звериную морду. Шелин испытывал к нему лютое отвращение. Ему казалось, что стоит высказать правду — и этот демон исчезнет. Разговаривать с демонами не нужно дипломатии.

— Я совершенно уверен, что заходить в этот туннель — смертельный риск. Даже волевые люди получают здесь тяжелейшие травмы, а со слабой волей и вовсе не выдерживают. Если снова открыть туннель, не пройдет и полугода, как психиатрические больницы всех четырех провинций будут переполнены до отказа!

— Напротив, доктор...

— И не смейте говорить мне «напротив»! Вы сами-то заходили в туннель, Чубелло? Нет, насколько я знаю. А я заходил. Вы ведь заплатили мне именно за мое авторитетное заключение? Так вот, я заявляю вам прямо: туннель смертоносен и противоречит самой человеческой природе. Человек не способен вынести темноту, пока в небе сияет хоть одно солнце — сколько бы их ни было, это никогда не изменится. Закройте туннель навсегда, Чубелло! Закройте его, пока ваш рассудок еще при вас! Закройте!

Бини припарковал свой минимотоцикл на студенческой стоянке под астрономической обсерваторией и быстрым шагом направился к ступеням, ведущим к главному входу в здание. Когда он уже поднимался по широким каменным ступеням крыльца, его окликнули сверху, заставив вздрогнуть.

— Бини, наконец-то ты пришел.

Астроном поднял голову: его друг, высокий и плотный Серимон-762, стоял в арочном проеме дверей астрономической обсерватории. Серимон работал репортером в саросской газете «Кроникл».

— Серимон? Ты меня ждешь?

— Да. Мне сказали, что ты будешь здесь только через несколько часов. Я как раз собирался уходить, как вдруг появился ты. Какая удача!

Бини преодолел последние ступени, и они с приятелем обнялись. Они были знакомы уже года три или четыре. Четыре года назад Серимон приходил в обсерваторию брать интервью у всех ученых по поводу свежего манифеста, опубликованного адептами Культа Пламени. Постепенно они сблизились и стали близкими друзьями, хотя Серимон был на пять лет старше Бини и вел гораздо более разгульный и циничный образ жизни. Бини очень ценил возможность иметь друга, не имеющего никакого отношения к университетским политическим дразгам; Серимон же, со своей стороны, был рад знакомству с человеком, абсолютно равнодушным к изнанке его репортерской работы.

— Что-то случилось? — поинтересовался Бини.

— Ничего из ряда вон выходящего. Но мне нужно, чтобы ты снова написал статью для колонки «Научный вестник». Мондир опять толкнул речь «Покайтесь, покайтесь, грядет час расплаты!». Он заявил, что готов обнародовать точную дату конца света. Если хочешь знать, по моим сведениям, этот день назначен на 19 сентября следующего года.

— Да он же безумец! Писать о нем — только бумагу марать. Никому не интересны бредни этих культистов, ни на йоту!

Серимон пожал плечами.

— Дело в том, что людям это интересно, Бини, и многим. Раз уж Мондир заявляет о приближении конца света, нам нужен кто-то вроде тебя, кто встал бы и сказал: «Это неправда, братья и сестры! Не бойтесь! Всё идет как надо!» — ну или что-то в этом роде. Я и хочу попросить тебя заняться этим, идет, Бини?

— Ты же знаешь, я не откажусь.

— Как насчет сегодняшнего вечера?

— Сегодняшнего? О боги, Серимон, ты даже не представляешь, как я загружен. Сколько времени тебе понадобится?

— Полчаса, максимум минут сорок пять.

— Понимаешь ли, — вздохнул Бини, — у меня срочная встреча — именно поэтому я пришел сюда пораньше. После нее я обещал Ресте сразу поехать домой и побыть с ней пару часов. Мы в последнее время вечно разминаемся на работе, толком не видимся. А вечером мне снова нужно в обсерваторию — руководить съемкой серии снимков...

— Ладно, — согласился Серимон. — Понимаю, что заявился не вовремя. Слушай, давай без проблем, Бини. Статья нужна только завтра к полудню. Как насчет того, чтобы поговорить завтра утром?

— Утром? — нерешительно переспросил Бини.

— Знаю, для тебя утро — время немыслимое. Я имею в виду: после того как ты закончишь ночную смену, я могу вернуться сюда, когда Онус пойдет вверх. Уделишь мне короткое

интервью перед тем, как отправляться домой спать...

— Ну...

— Считай это одолжением другу, Бини.

Бини устало посмотрел на газетника.

— Ладно, уговорил, конечно. Только учти: после бессонной ночи голова у меня будет соображать плохо, толку от меня как от собеседника будет немного.

Серимон ухмыльнулся.

— За это я не переживаю. Заметил: когда требуется опровергнуть очередную антинаучную ложь, твоя голова начинает соображать с удивительной ясностью. Договорились? Встретимся в твоём кабинете завтра утром, когда взойдет Онус.

— Хорошо.

— Тысяча благодарностей, друг. С меня должок.

— Брось ты.

Серимон с шутливым уважением отдал честь и начал спускаться по ступеням.

— Передавай привет своей красавице жене! — крикнул он на ходу. — Увидимся на рассвете!

— Да, до встречи на рассвете, — отозвался Бини.

Звучало это как-то странно. До сих пор ему еще не доводилось встречаться с кем бы то ни было на рассвете, но для Серимона он решил сделать исключение. В этом и заключалась вся прелесть дружбы. Разве без нее были бы возможны такие исключения?

Бини повернулся и вошел в здание обсерватории. Внутри царил полумрак и полная тишина. Для Бини это безмолвие залов науки было привычнее всего на свете: начиная с университетских лет он проводил здесь большую часть времени. И тем не менее он прекрасно знал, что этот покой — лишь видимость. Это огромное здание, как и любое другое серьезное пристанище цивилизации, время от времени сотрясали самые разные конфликты и противоречия.

<http://bllate.org/book/21124/2143627>